

Эффекты и перспективы региональных запретов на трудовую миграцию в России

Александр Эдуардович Евтушенко✉

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
Контакт для переписки: ea96@mail.ru✉

Аннотация. Статья посвящена исследованию региональных запретов на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов в России, в период с 2015 по 2025 г. Целью исследования является анализ долгосрочной динамики введения указанной ограничительной меры, ее пространственной и отраслевой дифференциации, а также сопоставление с показателями региональных рынков труда с 2015 по 2025 г. Исследование проведено на основании сравнительно-правового анализа региональных нормативных правовых актов, а также анализа статистических данных Федеральной службы государственной статистики. В результате выделены группы регионов в зависимости от степени и продолжительности введения запрета на трудоустройство иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность по патенту. Выявлена устойчивая связь между введением региональных запретов и перераспределением потоков иностранной рабочей силы, а также усиление поляризации региональных рынков труда. Изолированная от комплексного подхода к регулированию политика по установлению ограничений на применение труда иностранных граждан приводит не к решению региональных проблем, а к их перемещению. Научная новизна исследования заключается в долгосрочном обосновании отраслевой структуры запретов, а также обосновании необходимости перехода к сбалансированной стратегии регулирования миграционных потоков с учетом мер по развитию внутреннего трудового потенциала.

Ключевые слова: региональные запреты, миграционная политика, трудовая миграция, иностранные работники, рынок труда, пространственная дифференциация, перераспределение трудовых ресурсов, регулирование миграции, региональные рынки труда

Цитирование: Евтушенко А. Э. 2026. Эффекты и перспективы региональных запретов на трудовую миграцию в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 245–264. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-245-264>

Поступила 24.03.2026; одобрена 08.04.2026; принята 18.06.2026

Effects and prospects of regional prohibitions on labor migration in Russia

Alexander E. Evtushenko ✉

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia
Corresponding author: ea96@mail.ru ✉

Abstract. The article is devoted to the study of regional prohibitions on attracting foreign citizens who work on the basis of patents in Russia in the period from 2015 to 2025. The purpose of the study is to analyze the long-term dynamics of the introduction of this restrictive measure, its spatial and sectoral differentiation, as well as a comparison with the indicators of regional labor markets from 2015 to 2025. The study was conducted on the basis of a comparative legal analysis of regional regulatory legal acts, as well as an analysis of statistical data from the Federal State Statistics Service. As a result, groups of regions have been identified depending on the degree and duration of the ban on the employment of foreign citizens engaged in employment under a patent. A stable relation has been identified between the introduction of regional prohibitions and the redistribution of foreign labor flows, as well as increased polarization of regional labor markets. Isolated from a comprehensive regulatory approach, the policy of imposing restrictions on the employment of foreign citizens does not lead to solving regional problems, but to their displacement. The scientific novelty of the study lies in the long-term justification of the sectoral structure of prohibitions, as well as the justification for the need to move to a balanced strategy for regulating migration flows, taking into account measures to develop internal labor potential.

Keywords: regional prohibitions, migration policy, labor migration, foreign workers, labor market, spatial differentiation, labor resources redistribution, migration regulation, regional labor markets

Citation: Evtushenko, A. E. (2026). Effects and prospects of regional prohibitions on labor migration in Russia. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 245–264. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-245-264>

Received Mar. 24, 2026; Reviewed Apr. 8, 2026; Accepted Jun. 18, 2026

Введение

Трудовая миграция является одним из неотъемлемых факторов современного экономического и демографического развития. Иностранные трудовые ресурсы в глобальном экономическом пространстве выполняют компенсаторную функцию, способствуя

перемещению рабочей силы из регионов с избытком рабочей силы и низким экономическим потенциалом на территории с высоким потенциалом роста, испытывающие кадровый дефицит. При отсутствии механизмов эффективного и сбалансированного регулирования миграционные процессы, несмотря на их объективную обусловленность, формируют социальные, экономические и правовые риски для принимающего общества. Один из таких рисков — усиление напряженности на рынке труда и создание структурных дефицитов.

В 2026 г. стартует новый этап реализации государственной миграционной политики. В значительной степени «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы»¹ связана с обеспечением приоритетов национальной безопасности, усилением контроля за миграцией, что обусловлено общественным запросом на фоне текущих геополитических событий. Тенденцией последних лет является установление запретов на осуществление трудовой деятельности иностранных граждан.

Механизм установления высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации запретов на применение труда иностранных граждан, осуществляющих деятельность по патентам, существует в Российской Федерации с 2015 г. В последние годы наблюдается значительный рост числа регионов, которые установили такие запреты. В 2025 г. количество таких регионов достигло 55 единиц, что составляет 65% от общего количества субъектов Российской Федерации. Существующая тенденция обуславливает актуальность проведения исследования.

Материалы и методы

Данное исследование проведено с использованием двух массивов данных. Первый массив сформирован на основании анализа региональных нормативных актов, а именно указов и постановлений высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, устанавливающих введение запрета на трудовую деятельность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, опубликованных в период с 2015 по 2025 г. На основании анализа указанных нормативных правовых актов подготовлена база данных, содержащая сведения о годе установления запрета, длительности применения данной нормы, а также перечня видов экономической деятельности, на которые распространяются ограничения.

Второй массив основывается на статистических данных Федеральной службы государственной статистики, включая такие показатели, как численность иностранных граждан, имевших действующие патенты на осуществление трудовой деятельности, в разрезе субъектов Российской Федерации и показатели, характеризующие динамику региональных рынков труда (уровень безработицы и коэффициент напряженности).

¹ Об утверждении Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (дата обращения: 23.03.2026).

Обработка массивов данных проводилась с использованием методов дескриптивной статистики. В целях проведения анализа пространственной и временной дифференциации вводимых запретов регионы сгруппированы по критерию длительности. Последующий сравнительный анализ выполнен на уровне средних значений и динамики долей. Применен также метод сравнительно-правового анализа для выделения отраслевой структуры ограничений.

Стоит подчеркнуть в качестве ограничения исследования его описательный характер, так как не применялись квазиэкспериментальные методы или регрессионные модели. В этой связи выявленные связи не могут быть интерпретированы в качестве строгих причинно-следственных эффектов. Результаты исследования отражают тенденции и могут послужить основой для дальнейших эконометрических исследований. Ввиду существенной неоднородности регионов внутри выделяемых групп по масштабу экономики и доле иностранных работников, а также малого размера отдельных групп, нарушаются базовые предпосылки проведения параметрических тестов, а также снижается мощность любых статистических критериев, повышая вероятность ошибки второго рода.

Обзор литературы

Изучение феномена трудовой миграции и ее влияния на российское общество остается предметом активного научного осмысления авторов. В последние годы российские исследователи отмечают изменение государственного регулирования миграционных процессов [Волох, Герасимова, 2019; Зорин, 2025]. В особенности авторами выделяется смена приоритетов российской миграционной политики в отношении иностранных работников из стран Центральной Азии, что потенциально связано с контингентом трудовых мигрантов, попадающих под действие региональных запретов [Рязанцев, Касымов, 2021]. В последние годы фиксируется также значительное сокращение миграционных потоков при неизменной географии стран исхода трудовых мигрантов [Флоринская, 2024].

В настоящее время миграционный дискурс связан с повышенным вниманием к вызовам, детерминированным негативными демографическими тенденциями и структурными изменениями российской экономики в условиях санкционного давления. Совокупность данных факторов усугубляет проблему кадрового дефицита [Евтушенко и др., 2024; Халтурин, Юняев, 2025]. Анализируются и последствия внешней трудовой миграции для российского рынка труда [Красинец, 2025]. На примере Тюменской области, как одного из регионов, длительно применяющих регулирующие меры, продемонстрировано, насколько миграционные процессы меняют систему расселения [Рязанцев и др., 2023]. Анализируются миграционные процессы и на территории Дальнего Востока как территории, традиционно привлекательной для визовых иностранных работников [Филиппова, 2025].

Констатируется устойчивое несоответствие между потребностями экономики в квалифицированных специалистах и реальной структурой занятости мигрантов, значительная часть которых по-прежнему концентрируется в низкоквалифицированных секторах, таких как строительство, торговля и обрабатывающие производства [Логинова, Лядова,

2024; Воробьева, 2020]. Акцентируется внимание на механизмах адаптации российского рынка, реагирующего на новые институциональные условия, например, ужесточение миграционного регулирования [Мукомель, 2024]. Устойчивый рост зависимости российского рынка труда от иностранной рабочей силы на фоне демографического спада формирует риск теневого сектора иностранных работников [Красинец, 2023].

Парадоксальным образом один из ключевых акторов применения труда иностранных работников — работодатель — оставался в тени научного анализа. Глубинные опросы работодателей подтвердили, что ключевая причина найма иностранных граждан заключается в кадровом дефиците, а преимуществом перед российскими работниками является готовность осуществлять трудовую деятельность за более скромное вознаграждение и сверхурочно [Денисенко, Мукомель, 2023]. Введено такое понятие, как «комфортный рынок труда», в условиях которого работодатели предпочитают привлекать иностранную рабочую силу из-за их высокой мотивации, гибкости и высокой мобильности. Такая ситуация создает дополнительные, зачастую институционально непреодолимые, барьеры для замещения иностранной рабочей силы местными кадрами [Ионцев, 2023].

Ключ к пониманию эффекта замещения на региональных рынках труда достигается за счет подчеркнутой неразрывной взаимосвязи международной и внутренней трудовой миграции.

Авторами осуществляются попытки осмысления трудовой миграции не только внутренних и маятниковых переселенцев, но и международных мигрантов на примере Москвы, оценивая неоспоримый вклад в экономическое развитие [Варшавская, Денисенко, 2025]. В развитие данной темы можно упомянуть качественную оценку вклада иностранных работников в валовой региональный продукт Москвы [Авдеева и др., 2025].

Сложилась направленная расселения и занятости в сферах экономики трудовых мигрантов [Флоринская, 2023]. В продолжение изучения вопроса распределения внешних трудовых мигрантов можно отметить работы, посвященные критике существующей модели государственного регулирования [Маньшин, Моисеева, 2023]. Большая часть иностранных работников самостоятельна в своем выборе территории для осуществления трудовой деятельности, что коррелирует с качеством государственного управления, а также культурно-духовной идентичностью [Мухаметов, 2025].

В настоящее время активно обсуждаются новые инструменты в реализации государственной миграционной политики, в том числе организованный набор мигрантов [Бурда, 2025; Жуков, 2025]. Предлагается концепция «миграционной политики компромиссов» [Васильева, 2025].

Непосредственно механизму региональных запретов на трудоустройство иностранных работников, осуществляющих деятельность на основании патентов, посвящены единичные работы. Практика установления запретов, как правило, оказывает ограниченное прямое влияние на макроэкономические показатели, выступая инструментом «тонкой настройки» рынка труда [Исповедников, 2023].

Введение региональных запретов сопряжено не только с изменением на региональном рынке труда, но и с прямыми фискальными потерями. Авторами отмечается следующая тенденция: даже работая в неформальном секторе, иностранный работник из ближнего

зарубежья остается плательщиком ежемесячного авансового платежа в региональный бюджет, в отличие от россиянина, занятого также в неформальном секторе [Мкртчян, Флоринская, 2018]. Таким образом, политика введения региональных запретов создает противоречие между защитой локального рынка труда и задачами пополнения региональных бюджетов.

Проведенный анализ научной литературы позволяет выявить отсутствие исследований пространственной дифференциации вводимой ограничительной меры и их связи с рынком труда. В исследованиях также не раскрыт синергетический эффект от совместного использования механизмов регулирования рынка труда иностранных работников, например установления стоимости патента. Настоящее исследование направлено на устранение данного пробела за счет достижения следующей цели: проведения анализа долгосрочной динамики введения указанной ограничительной меры, ее пространственной и отраслевой дифференциации, а также сопоставление с показателями региональных рынков труда с 2015 по 2025 г.

Результаты

Перед тем как перейти к представлению результатов исследования, необходимо отметить существующую на федеральном и региональном уровнях систему регулирования труда иностранных граждан.

Федеральный уровень представлен квотированием иностранных работников, прибывающих из визовых стран, а также установлением отраслевых ограничений, вводимых на основании ежегодных постановлений Правительства Российской Федерации. Так, например, постановлением Правительства Российской Федерации от 16.12.2024 № 1796 на 2025 г. установлены ограничения для сферы строительства (80%), деятельности по обслуживанию зданий и территорий (70%), а также для автомобильного грузового и прочего сухопутного транспорта (24%). Указанные меры формируют общероссийские пропорциональные рамки использования труда иностранных работников.

Для высших должностных лиц субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) определено право ежегодного установления запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории субъекта Российской Федерации, к работе иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов по отдельным видам экономической деятельности. Реализуется данное право посредством принятия региональных нормативных правовых актов и становится одним из инструментов регулирования рынка труда иностранных работников, позволяя адаптировать миграционную политику к специфике институционального контекста и динамике социально-экономического развития.

Воздействие на региональный рынок путем установления запрета направлено на достижение баланса между, с одной стороны, интересами региональных трудовых ресурсов, с другой стороны, обеспечения поступления в экономику необходимых кадров.

В период с 2015 по 2023 г. количество регионов с установленным запретом не превышало двадцати, что говорит об избирательном и осторожном выборе такой стратегии регулирования миграционной политики. Однако с 2023 г. наблюдается значительный рост числа субъектов федерации, начавших использовать данный нормативный инструмент. К 2025 г. количество таких субъектов возросло до 55 единиц, что охватывает 65% всех субъектов Российской Федерации. Таким образом, в наблюдаемом периоде просматривается переход к политике структурного протекционизма на рынке труда.

Наибольшее количество запретов установлено в субъектах, входящих в состав Центрального федерального округа, что объяснимо значительным количеством иностранной рабочей силы (например, в Москве). Лидером по установлению запретов является Уральский федеральный округ: из 6 регионов запреты установлены в 5 регионах. В табл. 1 проиллюстрированы результаты проведенного ретроспективного анализа.

Табл. 1. Динамика установления региональных запретов на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность по патенту
Table 1. The dynamics of the establishment of regional prohibitions on the involvement of foreign citizens engaged in employment under a patent

Федеральный округ	Количество регионов, которые ввели запрет, ед.										
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Российская Федерация	11	13	15	15	15	17	16	19	19	40	55
Дальневосточный федеральный округ	3	2	3	4	4	6	5	6	6	7	8
Приволжский федеральный округ	1	3	3	2	2	2	2	2	2	6	9
Северо-Западный федеральный округ	2	1	2	2	1	1	2	2	2	5	6
Северо-Кавказский федеральный округ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Сибирский федеральный округ	1	3	3	2	3	3	2	2	2	6	8
Уральский федеральный округ	3	3	3	3	3	3	3	3	3	5	5
Центральный федеральный округ	1	1	1	2	2	2	2	3	3	8	12
Южный федеральный округ	0	0	0	0	0	0	0	1	1	3	6

На основании изучения процесса введения региональных запретов за 2015–2025 гг. можно выделить четыре группы регионов по характеру реализации государственного регулирования с использованием механизма введения запрета (см. рис. 1).

Первая группа — «регионы-пионеры», состоящая из 7 регионов (Пермский край, Тверская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Челябинская область, Республика Алтай и Забайкальский край), демонстрирует исключительную последовательность в применении ограничительных мер, поддерживая запреты на протяжении всех 11 лет наблюдения.

Миграционная политика рассматриваемых регионов характеризуется превентивным и в значительной мере системно протекционистским подходом. Исследование географии распределения регионов показывает, что к указанной категории можно отнести регионы с развитой промышленностью или регионы, в которых развита добыча природных ресурсов (отдельные регионы Уральского федерального округа и приграничные области). Такое сочетание позволяет предположить влияние как экономических, так и геополитических факторов на формирование региональных стратегий миграционного регулирования.

Вторая группа включает 17 субъектов, которые вводили ограничения на сроки от трех до десяти лет. Для этой категории характерны сложные и прерывистые траектории государственного регулирования. Например, Кемеровская область устанавливала запреты в 2016–2018 и 2020 гг., а затем возобновила их в 2024–2025 гг. Аналогичная ситуация в Ленинградской области, где ограничения вводились в 2017–2018 и 2024–2025 гг. Непостоянство применения законодательных норм, вероятно, отражает влияние разнообразных факторов: экономической конъюнктуры, изменения федеральных миграционных трендов, а также возникающих региональных потребностей во внешней трудовой миграции.

Третья группа состоит из регионов, которые применяли запрет на относительно короткие сроки (1–2 года). Большинство таких запретов введены в 2024–2025 гг., что свидетельствует о тенденции к ужесточению регулирования. Сюда же можно отнести регионы, которые разово ввели запрет сразу в 2015 г., но далее не продолжили использовать такой инструмент регулирования.

Четвертая группа объединяет 26 регионов, не реализовавших данную законодательную норму. В нее вошли территории с диверсифицированной экономикой и устойчивым спросом на иностранную рабочую силу (Москва, Свердловская область, Республика Башкортостан), а также регионы с особыми демографическими характеристиками, характерными для Северо-Кавказского федерального округа, и некоторые приграничные территории.

Выявленные различия свидетельствуют о формировании дифференцированной модели государственного миграционного регулирования, при которой регионы-пионеры выступают своего рода «пилотной площадкой». Пример таких регионов формирует в том числе федеральные тенденции, стимулируя другие регионы использовать данный механизм на фоне социальных потрясений последних лет. Присутствие среднесрочной группы с прерывистым характером нормативных ограничений указывает на сложность взаимодействия между федеральной миграционной политикой и экономическими интересами субъектов Российской Федерации.

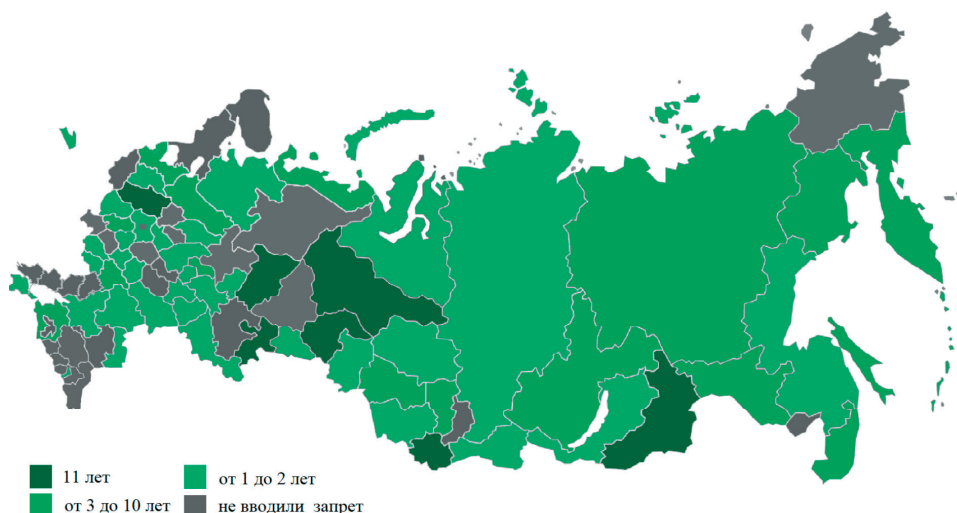

Рис. 1. Количество лет, в течение которых в регионе действовал запрет на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов

Fig. 1. The number of years during which the region was prohibited from attracting foreign citizens engaged in employment under a patent

В дополнительное подтверждение тезиса об ужесточении регуляторной политики стоит отметить, что в 2023 г. запреты были зафиксированы лишь в части регионов, при этом наибольшее их количество отмечено в Краснодарском крае (50 единиц) и Тверской области (36 единиц). К 2024 г. ситуация начала меняться: число регионов с запретами увеличилось, а в некоторых субъектах, таких как Челябинская, Вологодская и Амурская области, произошел резкий рост количества запретов. К 2025 г. процесс приобретает системный характер: запреты регистрировались в подавляющем большинстве регионов. Наибольшая концентрация ограничений отмечается в Самарской области (112 единиц) и Краснодарском крае (88 единиц). В отдельных субъектах, например, в Липецкой области (с 7 до 56 единиц) и Нижегородской области (с 1 до 49 единиц), зафиксирован скачкообразный рост, что свидетельствует о точечном усилении регуляторного давления. На противоположном конце спектра находятся регионы с минимальными значениями, такие как Ростовская и Владимирская области (по 2 запрета), а также г. Санкт-Петербург (5), что позволяет говорить о существенной региональной дифференциации. Средние значения количества введенных запретов в субъектах Российской Федерации также демонстрируют устойчивый рост: по общему количеству запретов в одном регионе — с 12 единиц в 2023 г. до 22 единиц в 2025 г.

В целях анализа того, какие виды экономической деятельности попадают под запреты, они укрупнены до уровня разделов ОКВЭД2. При этом установление запрета на любом уровне детализации (класс, подкласс, группа, подгруппа, вид) учитывалось как распространение ограничения на весь соответствующий раздел. Аналогичная общим запре-

там динамика прослеживается и в отношении количества затронутых разделов видов деятельности. Если в 2023 г. ограничения концентрировались в ограниченном числе регионов и секторов, то к 2025 г. они распространились практически на большинство субъектов и секторов экономики. Среднее количество затронутых разделов по регионам возросло с 5 в 2023 г. до 8 в 2025 г. Максимальные значения в 2025 г. зарегистрированы в Краснодарском крае (21 единица), г. Севастополе (20 единиц) и Тверской области (19 единиц), тогда как минимум приходится на ряд областей, включая Ленинградскую и Астраханскую (по 1 разделу).

Наиболее показателен пример Краснодарского края, где в 2025 г. зафиксированы запреты, затрагивающие 21 раздел ОКВЭД2. Поскольку это число соответствует общему количеству разделов в классификаторе, охватывающих реальный сектор экономики, данный факт свидетельствует о введении в регионе запретительных мер, формально распространенных на все ключевые виды экономической деятельности.

В ходе анализа выявлена следующая закономерность в российских регионах: введение запрета далеко не всегда коррелирует с широким охватом различных укрупненных отраслей (разделов), что обусловлено тем, что множественные ограничения могут концентрироваться в пределах узкого круга секторов, тогда как относительно небольшое число запретов может быть диверсифицировано по широкому спектру экономических видов деятельности.

Подтверждает данный тезис сравнение Самарской области и Ямало-Ненецкого автономного округа по данным за 2025 г. В Самарской области введено значительное количество ограничений (112 единиц), что является максимумом по всем регионам. При детализации по разделам видов экономической деятельности выясняется, что эти ограничения сфокусированы лишь в 9 секторах экономики. В Самарской области присутствует высокая концентрация регуляторного давления на ограниченном числе отраслей экономики, в то время как большая часть экономики региона не попадает под ограничения, и иностранные работники могут осуществлять трудовую деятельность. Противоположный пример — Ямало-Ненецкий автономный округ. При наличии существенно более низкого разнообразия запретов (13 единиц) по сравнению с Самарской областью, он демонстрирует распределение по разным сферам экономики. Каждый из введенных запретов относится к отдельной отрасли, что означает охват 13 различных секторов экономики. Таким образом, при скромном абсолютном числе ограничений Ямало-Ненецкий автономный округ характеризуется максимально широким их отраслевым охватом, потенциально затрагивающим значительную часть экономики региона.

Абсолютными лидерами по установлению запретов являются транспорт, логистика и торговля (разделы Н и G): к 2025 г. запреты в этих сферах действуют в 52 и 39 регионах соответственно. Структура регулирования также концентрируется в секторах с традиционно высокой долей иностранной рабочей силы. К ним относятся не только упомянутые транспорт и торговля, но также «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» (раздел I) и «Обрабатывающие производства» (раздел C), где к 2025 г. запреты распространились на 31 и 30 регионов. Это отражает целенаправленное стремление регуляторов диверсифицировать структуру занятости и стимулировать

замещение иностранных работников внутренними трудовыми ресурсами в данных отраслях.

Наиболее значительная положительная динамика отмечается в социально ориентированных секторах. В сфере образования (раздел Р) количество регионов с запретами увеличилось с 2023 по 2025 г. в 3,8 раза (с 9 до 34), а в «Деятельности в области здравоохранения и социальных услуг» (раздел Q) — в 4,8 раза (с 5 до 24). Столь резкий рост может быть интерпретирован как следствие политики, направленной на повышение стандартов квалификации и защиту национального рынка труда в социальной сфере.

При этом наименьший рост ограничений отмечается в «Строительстве» (раздел F) — с 2 до 3 регионов, что, вероятно, связано с высокой зависимостью данной отрасли от иностранной рабочей силы и рисками дестабилизации при введении жестких запретов (см. рис. 2).

Рис. 2. Топ-10 разделов видов экономической деятельности по количеству регионов, которые ввели запреты на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов

Fig. 2. Top 10 sections of economic activities by the number of regions that have imposed bans on attracting foreign citizens engaged in employment under a patent

Наибольшая положительная динамика ограничений наблюдается в социальной сфере. Зависимые сферы от внешних трудовых ресурсов показывают минимальный рост ограничений.

После резкого спада в 2020 г. до 1 071 314 человек последовало восстановление, и к 2024 г. численность иностранной рабочей силы достигла рекордных 2 049 380 человек, что на 23,7% выше уровня 2015 г. За общей тенденцией скрыта глубокая региональная дифференциация, системно связанная с применением ограничительных мер.

Прямая корреляция между высокой исходной концентрацией иностранной рабочей силы и решением о введении запрета отсутствует. Ключевые российские экономические и агломерационные центры аккумулировали в 2024 г. более половины всех иностранных граждан, либо не вводя запретов, либо вводя их на краткосрочный и поздний период. Данная ситуация указывает на существующую структурную зависимость перечисленных регионов от иностранной рабочей силы из стран ближнего зарубежья.

Разделение регионов по признаку «длительность применения» запретов позволяет установить основные тенденции в перераспределении миграционных потоков иностранной рабочей силы.

Регионы-пионеры, которые на протяжении наблюдаемого периода применяли запреты, демонстрируют политику фокусированного протекционизма. Оценочно (на основании описательной статистики) совокупная доля в общероссийской численности иностранной рабочей силы, осуществляющей трудовую деятельность по патенту, снизилась с 2015 по 2024 г. с 6,3 до 5,2%.

Регионы со среднесрочными запретами также снизили вышеназванную долю иностранных работников — с 16,5 до 13,2%. Сохранение абсолютных значений указывает на устойчивую, хотя и ограничиваемую, потребность экономик данных территорий во внешней трудовой миграции.

Регионы с относительно поздно введенными запретами или краткосрочными запретами, наоборот, повысили долю иностранных работников с 42,1 до 46,2%. Данный феномен можно обосновать за счет изначально высокой концентрации иностранной рабочей силы. Резкий эффект снижения численности иностранных работников за счет введения мер регулирования не преодолел инерцию сложившейся ситуации во внешней трудовой миграции.

Группа регионов, не вводивших запреты, сохраняет стабильную долю в общем объеме патентной занятости на уровне около 35%, что подтверждает гипотезу об их компенсаторной функции и роли реципиентов перераспределяемых трудовых ресурсов (см. рис. 3).

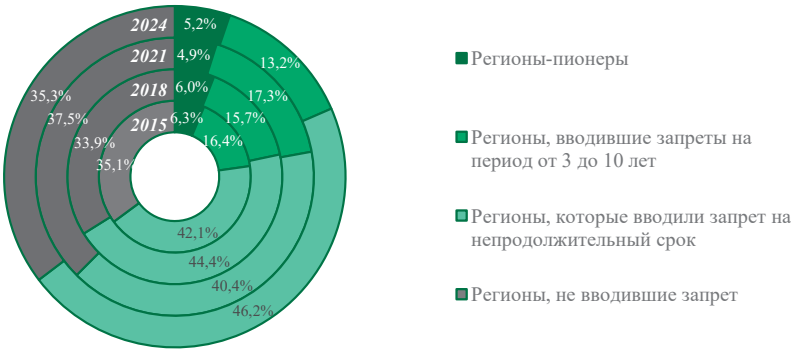

Рис. 3. Динамика изменения доли иностранных граждан, имеющих действующий патент на осуществление трудовой деятельности, приходящуюся на соответствующую группу

Fig. 3. Dynamics of the change in the share of foreign citizens who had a valid work patent in the corresponding group of regions

На примере конкретных регионов — представителей разных групп — можно проследить последствия реализуемой политики по установлению запрета.

Ханты-Мансийский автономный округ (регион-пионер) демонстрирует классическую политику жесткого протекционизма, в результате которой численность иностранных граждан из стран ближнего зарубежья снизилась на 35% (с 2015 по 2024 г.). Доля в структуре региональной рабочей силы также снизилась, что указывает на успешное достижение цели структурного вытеснения.

Краснодарский край, введший запреты с 2022 г., иллюстрирует сдерживающий эффект среднесрочных ограничений. Численность патентных работников снизилась на 8,7% по сравнению с пиковым значением, однако сохраняющийся значительный объем подчеркивает устойчивую структурную потребность экономики края в данном виде труда, которую запреты ограничивают, но не устраняют.

Самарская область, присоединившаяся к запретительной политике лишь в 2024 г., демонстрирует одно из самых значительных абсолютных сокращений среди крупных регионов (–35,7% к уровню 2015 г.), что может свидетельствовать либо об опережающем эффекте ожиданий рынка, либо о глубинных структурных сдвигах, обостренных в контексте общей тенденции ужесточения миграционного режима.

Свердловская область, не применявшая запреты, служит примером альтернативной модели открытого региона-реципиента. В 2024 г. в регионе зафиксирован рост абсолютной численности патентных работников на 18,1% к уровню 2015 г. (см. рис. 4).

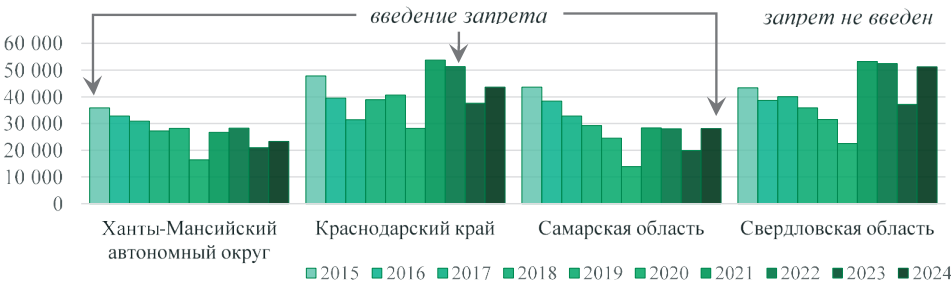

Рис. 4. Динамика изменения численности иностранных граждан, имевших действующий патент на осуществление трудовой деятельности, в некоторых субъектах Российской Федерации

Fig. 4. Dynamics of the change in the number of foreign citizens who had a valid employment patent in some regions of the Russian Federation

Анализ динамики указанных показателей позволяет рассуждать о том, что введение региональных запретов сопряжено с перераспределением иностранной рабочей силы, однако характер этого влияния не является прямолинейным и определяется комплексом факторов, включая длительность применения ограничений, исходный уровень зависимости экономики от иностранного труда и общероссийскую конъюнктуру спроса.

Исходя из уровня наблюдаемых тенденций, основным следствием политики выступает не общее сокращение, а пространственно-отраслевое перераспределение иностран-

ной рабочей силы, связанное с процессом усиления дифференциации региональных рынков труда.

Введение региональных запретов на привлечение иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, представляет собой не только инструмент миграционной политики, но и один из факторов трансформации региональных рынков труда. Переходя к оценке зависимости показателей рынка труда от введения региональных запретов, стоит отметить, что в целом по России отмечается снижение уровня безработицы: с 1,3 до 0,4%. Показатель соотношения потребности в работниках вырос с 1,5 до 2,2%. Отклонения от данного тренда в группах регионов с разной миграционной политикой свидетельствуют о дифференцированном влиянии запретов.

В группе регионов-пионеров снижается зависимость от иностранной рабочей силы: в данных регионах уровень безработицы значительно ниже, чем в среднем по России. При этом в Ханты-Мансийском автономном округе показатель соотношения потребности в работниках к численности рабочей силы в этой группе изменялся в умеренной динамике или оставался стабильным, что может свидетельствовать о существующем дефиците кадров. Несмотря на длительное действие ограничений, местные трудовые ресурсы не заместили иностранные.

В группе регионов со среднесрочными запретами формируется более разнонаправленная динамика, где влияние ограничительных мер носит адаптивный характер. Введенные меры регулирования рынка иностранных работников совпали с интенсивным экономическим ростом, но растущий дефицит кадров говорит об опоздании процесса замещения иностранных работников местными кадрами.

Группа регионов с поздними и краткосрочными запретами представляет особый интерес для оценки непосредственного эффекта. В среднем по этой группе, несмотря на недавнее введение мер, уже наблюдается тенденция к снижению уровня безработицы, иногда опережающая общероссийский тренд, при одновременном резком росте показателя потребности в работниках.

На противоположном полюсе находятся регионы, не вводившие запреты. Рынки труда данных регионов сталкиваются с иными проблемами. В среднем по данной группе уровень безработицы также снижается, но рост показателя потребности в работниках часто оказывается более умеренным по сравнению с регионами, активно вводившими запреты.

Обсуждение

Введение мер государственного регулирования в виде запретов оказывает разноплановое влияние на показатели рынка труда, усиливая поляризацию. Ключевым итогом становится не простое сокращение числа иностранных работников, а их структурное и пространственное перераспределение, ведущее к усилению дифференциации региональных рынков труда. Существующая проблематика обуславливает новые вызовы для федерального и регионального уровней власти, выраженные в необходимости дополнения инструментария ограничений комплексными программами повышения мобильности внутренней рабочей силы, переобучения кадров и стимулирования производительности труда в проблемных секторах экономики.

Динамика численности иностранных работников находится под влиянием других институциональных механизмов, например, фиксированного авансового платежа с доходов, полученных физическими лицами, являющимися иностранными гражданами, осуществляющими трудовую деятельность на основании патента. По сути, данный инструмент является ценовым барьером. Постепенное повышение его стоимости во многих субъектах Российской Федерации создает дополнительный фильтр, ограничивающий доступ на рынок труда для низкоквалифицированных иностранных граждан даже при формальном отсутствии прямого запрета. Возникает существенный риск качественного замещения: вытесняемые с патентного рынка работники из третьих стран могут замещаться гражданами государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС), пользующимися правом на трудоустройство без разрешительных документов.

Реализация данного сценария может привести к комплексу негативных эффектов. Во-первых, возможно нарушение баланса на локальных рынках труда, так как может создаться монопольное или олигопольное положение для работников из конкретных стран ЕАЭС в отдельных отраслях (например, в строительстве, логистике, ЖКХ). Во-вторых, мониторинг фактической занятости граждан ЕАЭС, условий труда, уплаты налогов существенно усложнен для региональных властей по сравнению с патентной системой ввиду особенностей правового статуса. Совокупность указанных факторов повышает риски роста неформальной занятости, снижения собираемости налогов и формирования «серых» схем трудоустройства, что в конечном итоге подрывает цели протекционистской политики — защиту легального рынка труда и доходов местного населения.

Стоит отметить, что важным ограничением данного исследования является невозможность разграничить эффект от введения запрета с одновременным повышением стоимости патента во многих российских регионах. Наблюдаемое снижение численности иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность по патенту, может быть вызвано обеими протекционистскими мерами. Дальнейшая проверка гипотезы сравнительного вклада запрета и ценовых барьеров является перспективным направлением научной мысли, выходящей за рамки настоящего исследования.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют выявить ряд устойчивых тенденций пространственного и отраслевого перераспределения иностранной рабочей силы в условиях установления региональных запретов на привлечение иностранных работников.

Проведенный анализ актуализирует ряд комплексных исследовательских и практических задач, направленных на преодоление выявленных дисбалансов и рисков. Перспективным направлением является комплексное моделирование взаимодействия всех регуляторных инструментов (запретов, квот, стоимости патентов, иных административных барьеров) для оценки их синергетического и противоречивого влияния на параметры рынка труда, отраслевую структуру занятости и доходы региональных бюджетов. В не-

посредственной связи с этим находится задача организации системного мониторинга процессов качественного замещения трудовых ресурсов, в частности эмпирической верификации масштабов и последствий вытеснения работников из третьих стран гражданами государств ЕАЭС. Предполагаемый мониторинг должен давать оценку отраслевой специфики данного явления и его долгосрочных эффектов, включая воздействие на уровень заработных плат, производительность труда и социальную стабильность в регионах.

Центральной методологической и практической проблемой остается поиск оптимального баланса между задачами протекционизма и требованиями экономической целесообразности.

Список источников

- Авдеева Д. А., Акиндинова Н. В., Денисенко М. Б. 2025. Вклад мигрантов в производство валового регионального продукта Москвы // Вопросы экономики. № 10. С. 85–103. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-10-85-103>.
- Бурда М. А. 2025. Миграционная политика России: организованный набор как эффективный механизм внешней трудовой миграции // Управленческое консультирование. № 2 (188). С. 18–28. <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-rossii-organizovannyy-nabor-kak-effektivnyy-mehanizm-vneshney-trudovoy-migratsii> (дата обращения: 17.06.2026).
- Варшавская Е. Я., Денисенко М. Б. 2025. Мигранты на рынке труда Москвы // Вопросы экономики. № 1. С. 44–70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-44-70>.
- Васильева А. В. 2025. Оценка возможности формирования российской миграционной политики компромиссов в сфере регулирования иностранной рабочей силы // Миграционное право. № 2. С. 6–10. <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-2-6-10>.
- Волох В. А., Герасимова И. В. 2019. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. Т. 7. № 1. С. 5–12. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-5-12>.
- Воробьева И. В. 2020. Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 1 (20). С. 85–95. https://philosophy.rsuh.ru/jour/article/view/300?locale=ru_RU (дата обращения: 17.06.2026).
- Денисенко М. Б., Мукомель В. И. 2023. Иностранные работники в России: мнения работодателей // Социологические исследования. № 1. С. 26–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250021528-3>.
- Евтушенко А. Э., Чевтаева Н. Г., Кононова Д. С., Агумбаева А. Е. 2024. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда // Вопросы управления. Т. 18. № 5. С. 69–87. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-69-87>.
- Жуков И. А. 2025. Организационный набор как современный инструмент регулирования миграционных процессов: вызовы и перспективы (на примере г. Санкт-Петербурга) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 3 (19). С. 50–55. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2025-3-50-55>.

- Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А., Бурда М. А. 2025. Миграционные процессы в современной России: актуальные реакции политики и управления // Российский социально-гуманитарный журнал. № 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2025-4-1678>.
- Ионцев В. А. 2023. Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 2. С. 90–96. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-90-96>.
- Исповедников Д. Ю. 2023. Экономические и социальные последствия запрета на трудоустройство иностранных рабочих (пример Центрального федерального округа) // Наука. Культура. Общество. Т. 29. № 1. С. 143–158. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.11>.
- Красинец Е. С. 2025. Внешняя трудовая миграция в современном российском обществе: динамика и последствия // Народонаселение. Т. 28. № 3. С. 61–73. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-61-73>.
- Логинова Т. П., Лядова Е. В. 2024. Международная трудовая миграция в экономике современной России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 1 (104). С. 170–179. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2024-1-170-179>.
- Маньшин Р. В., Моисеева Е. М. 2023. Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 3. № 4. С. 209–230. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13>.
- Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. 2018. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (37). С. 186–193. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9>.
- Мукомель В. И. 2024. Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 233–240. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_233-240.
- Мухаметов Р. С. 2025. Влияние институциональной среды на процессы международной трудовой миграции в регионы Российской Федерации // Регинология. Т. 33. № 2 (131). С. 257–270. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270>.
- Рязанцев С. В., Добрякова В. А., Смирнов А. В., Рязанцев Н. С. 2023. Влияние демографических и миграционных процессов на систему расселения в Тюменской области // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 3. № 3. С. 171–190. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.11>.
- Рязанцев С. В., Касымов О. К. 2021. Трансформация миграционной политики России: тренды, приоритеты, место стран Центральной Азии // Миграционное право. № 2. С. 16–20. <https://www.elibrary.ru/qsqqlr>.
- Рязанцев С. В., Сыдыгалиева Б. А. 2024. Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 4. № 3. С. 105–118. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7>.
- Филиппова К. В. 2025. Иностранная трудовая миграция на Дальнем Востоке России: проблемы, основные тренды // Kant. № 4 (57). С. 151–156. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.21>.
- Флоринская Ю. Ф. 2023. Трудовая миграция в Россию (на примере московского региона): уехать нельзя остаться // Демографическое обозрение. Т. 10. № 4. С. 69–85. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18809>.

- Флоринская Ю. Ф. 2024. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 223–232. <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/Florinskaya.pdf>.
- Хаатулин Р. А., Юняев А. Р. 2025. Влияние миграционных процессов на рынок труда Российской Федерации в условиях санкций // Экономика и предпринимательство. № 12-1 (185). С. 254–259. <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.185.12.041>.

References

- Avdeeva, D. A., Akindinova, N. V., & Denisenko, M. B. (2025). The contribution of migrants to the production of gross regional product in Moscow. *Voprosy Ekonomiki*, (10), 85–103. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-10-85-103> [In Russian]
- Burda, M. A. (2025). Migration policy of Russia: Organized recruitment as an effective mechanism of external labor migration. *Administrative Consulting*, (2), 18–28. Retrieved June 17, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-rossii-organizovanny-nabor-kak-effektivnyy-mehanizm-vneshney-trudovoy-migratsii> [In Russian]
- Varshavskaya, E. Ya., & Denisenko, M. B. (2025). Migrants in the Moscow labor market. *Voprosy Ekonomiki*, (1), 44–70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-44-70> [In Russian]
- Vasileva, A. V. (2025). Assessment of the possibility of forming a Russian migration policy of compromises in the regulation of foreign labor. *Migration Law*, (2), 6–10. <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-2-6-10> [In Russian]
- Volokh, V. A., & Gerasimova, I. V. (2019). Management of migration processes in the Russian Federation: Analysis and prospects. *Management*, 7(1), 5–12. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-5-12> [In Russian]
- Vorob'eva, I. V. (2020). Labor migrants in Russia. Issues of the foreign workers employment. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, (1), 85–95. Retrieved June 17, 2026, from https://philosophy.rsuh.ru/jour/article/view/300?locale=ru_RU [In Russian]
- Denisenko, M. B., & Mukomel, V. I. (2023). Foreign workers in Russia: Employers' opinions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 26–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250021528-3> [In Russian]
- Evtushenko, A. E., Chevtaeva, N. G., Kononova, D. S., & Agumbaeva, A. E. (2024). State regulation of external labor migration in conditions of personnel shortage in the labor market. *Management Issues*, 18(5), 69–87. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-69-87> [In Russian]
- Zhukov, I. A. (2025). Organized recruitment as a modern tool for regulating migration processes: Challenges and prospects (Case of St. Petersburg). *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, (3), 50–55. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2025-3-50-55> [In Russian]
- Zorin, V. Yu., Astvatsaturova, M. A., & Burda, M. A. (2025). Migration processes in modern Russia: Current policy and management reactions. *Russian Social and Humanitarian Journal*, (4). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2025-4-1678> [In Russian]
- Iontsev, V. A. (2023). International labor migration in the context in a “comfortable” labor market in Russia. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, (2), 90–96. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-90-96> [In Russian]

- Ispovednikov, D. Yu. (2023). Economic and social consequences of the ban on the employment of foreign workers (example of the Central Federal District). *Science. Culture. Society*, 29(1), 143–158. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.11> [In Russian]
- Krasinets, E. S. (2025). External labor migration in modern Russian society: Dynamics and consequences. *Demography: Theory and Practice Issues*, 28(3), 61–73. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-61-73> [In Russian]
- Loginova, T. P., & Lyadova, E. V. (2024). International labor migration in the economy of modern Russia. *Herald Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, (1), 170–179. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2024-1-170-179> [In Russian]
- Manshin, R. V., & Moiseeva, E. M. (2023). The impact of international labor migration on the balance in regional labor markets. *DEMIS. Demographic Research*, 3(4), 209–230. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13> [In Russian]
- Mkrtychyan, N. V., & Florinskaya, Yu. F. (2018). Labor migration in Russia: International and internal aspects. *Journal of the New Economic Association*, (1), 186–193. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9> [In Russian]
- Mukomel, V. I. (2024). Labor migration in Russia: Adaptation to labor market transformations. *Journal of the New Economic Association*, (2), 233–240. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_233-240 [In Russian]
- Mukhametov, R. S. (2025). Influence of the institutional environment on the processes of international labor migration to the regions of the Russian Federation. *Russian Journal of Regional Studies*, 33(2), 257–270. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270> [In Russian]
- Ryazantsev, S. V., Dobryakova, V. A., Smirnov, A. V., & Ryazantsev, N. S. (2023). Impact of demographic and migration processes on the settlement system in the Tyumen region. *DEMIS. Demographic Research*, 3(3), 171–190. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.11> [In Russian]
- Ryazantsev, S. V., & Kasymov, O. K. (2021). Transformation of Russia's migration policy: Trends, priorities, and the place of Central Asian countries. *Migration Law*, (2), 16–20. <https://www.elibrary.ru/qsqqlr> [In Russian]
- Ryazantsev, S. V., & Sydygalieva, B. A. (2024). New trends in migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*, 4(3), 105–118. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7> [In Russian]
- Filippova, K. V. (2025). Foreign labor migration in the Russian Far East: Challenges and main trends. *Kant*, (4), 151–156. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.21> [In Russian]
- Florinskaya, Yu. F. (2023). Labor migration to Russia (using the example of the Moscow region): you can't leave and stay. *Demographic Review*, 10(4), 69–85. <https://doi.org/10.17323/dem-review.v10i4.18809> [In Russian]
- Florinskaya, Yu. F. (2024). Labor migration to Russia: Reduction of flows accompanied by a little-changing geography. *Journal of the New Economic Association*, (2), 223–232. <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/Florinskaya.pdf> [In Russian]
- Khalturin, R. A., & Yunyaev, A. R. (2025). Impact of migration processes on the labor market of the Russian Federation under sanctions. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, (12-1), 254–259. <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.185.12.041> [In Russian]

Информация об авторе

Александр Эдуардович Евтушенко, аспирант, Уральский государственный экономический университет; заместитель начальника отдела трудовых ресурсов и миграционной политики Департамента по труду и занятости населения Свердловской области, Екатеринбург, Россия
ea96@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7819-1683>

Information about the author

Alexander E. Evtushenko, Postgraduate Student, Ural State University of Economics; Deputy Head of the Division of Labor Resources and Migration Policy of the Department of Labor and Employment of the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia
ea96@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7819-1683>